

Ю. Л. Цветков

Ивановский государственный университет

**ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И БИБЛЕЙСКАЯ ЭТИКА В ПЬЕСЕ АРТУРА ШНИЦЛЕРА
ПРОФЕССОР БЕРНХАРДИ**

Цель исследования — сформулировать роль антисемитизма, ассимиляции и толерантности в истории Габсбургского государства и определить функционирование этих понятий в сознании венской интеллигенции начала XX в. На примере пьесы *Профессор Бернхарди* (1912) австрийского прозаика и драматурга Артура Шницлера (1862 — 1931) доказано, что нападки коллег на доктора по поводу его «врачебной ошибки» вскрыли различное понимание еврейского вопроса в обществе и место антисемитизма в нем. Бернхарди разрешил проблему национальной идентичности на экзистенциальном уровне, оставаясь верным Библейской этике, закрепленной в законах Моисея. Кроме того, он был единственным приверженцем лессинговской идеи толерантности в пьесе.

Ключевые слова: история еврейства; виды национальной идентичности; Библейская этика; Артур Шницлер; «Профессор Бернхарди»

1. Введение

Национальная идентичность, как известно, существует в двух формах — личностной и коллективной. Каждая из них порождается психологическими механизмами деятельности самосознания — уподоблением и интеллектуальным самоанализом (ПОПОВА 2004: 15). Идентичность личности — это «устойчивое представление о себе», при котором человек, задавая вопрос: «Кто я в национальном отношении?», — отождествляет себя с определенной национальной общностью (РАДУГИН 1996: 182-183). Под *нацией* мы будем понимать определение, сформулированное И. Г. Гердером и немецкими романтиками:

«Согласно их представлениям, нация и национальная идентичность суть феномены, данные народу “от природы” и не зависящие от наличия национального государства» (ПОПОВА 2004: 18).

Проблема еврейской идентичности наиболее остро проявилась в писательской среде столицы Австро-Венгрии — Вене на рубеже XIX — XX вв. Литературный кружок «Молодая Вена», возникший в 1891 — 1892 гг., положил начало литературе вен-

ского модерна. По свидетельству Шницлера, он состоял из двадцати трех участников. С. Беллер уточнил:

«шестнадцать из них, это составляет семьдесят процентов, однозначно или хотя бы отчасти, были еврейского происхождения» (BELLER 1993: 30).

Указанное процентное соотношение значительно превышало число еврейского населения Вены. В 1895 г. оно составляло 8,7% (KIESEL 2004: 78). Австрийский писатель С. Цвейг (1881 — 1942) пришел к важному обобщению во «Вчерашнем мире» (1943):

«Девять десятых того, что мир окрестил венской культурой девятнадцатого столетия, была культура, поддерживаемая, питаемая и созданная еврейством» (ЦВЕЙГ 2004: 26-27).

Заметное место в литературе венского модерна принадлежит Артуру Шницлеру. Центральной темой его прозы и драматургии можно считать психологическое изучение неординарных взаимосвязей личности и общества:

«Поскольку коммуникативные связи “я” и мира нарушены, а универсальных принципов урегулирования (социальных, моральных, философских) сложившегося конфликта не существует, автор концентрирует свое внимание на том небольшом промежутке времени, когда разыгрывается *кризисная ситуация личности*» (ЦВЕТКОВ 2003: 301).

Драма *Профессор Бернхарди* точно рефлектирует состояние венского общества по отношению к национальному меньшинству в империи.

2. История еврейства и антисемитизма в Габсбургском государстве

Национальную идентичность можно рассматривать диахронически, в этом случае в центре внимания оказывается *коллективная идентичность*, процесс формирования самообраза нации через осознание ею своей этнической и культурной специфики и своего «согражданства» (ГЛОБАЛИЗАЦИЯ 2003: 162). При таком историческом подходе *история еврейства* в Габсбургском государстве и его столице Вене началась в X в. с приходом евреев вместе с римлянами. В XII в. появились первые еврейские поселения, а в XIII-м — первая синагога, первые привилегии в торговле и защита евреев со стороны кайзера Фридриха Второго (WISTRICH 1999: 10-11). В XIV в. Вена стала местом убежища для многих ты-

ся евреев, преследуемых в соседних государствах.

В XV в. ситуация резко изменилась. Возник неприкрытый образ врага, и начались преследования и изгнание евреев из Вены (Wiener Gesera). *Антисемитизм* проявился в своих крайних формах. В XVI в. при кайзере Рудольфе II было вновь разрешено строительство синагог, а в XVII в. за городской стеной возникло еврейское поселение (гетто), неподконтрольное городским властям. Во время осады Вены турками (1683 — 1684) это поселение оказалось на границе противоборствующих сторон, а католическая церковь объявила евреев врагами христианского мира. Признание одной нации врагом другой выходит за рамки идентификационных процессов и представляет собой «особый случай», который разрушает «иллюзию однозначности и идентичности» (KERNMAYER и др. 2004: 292). Чужой в этом случае оказывается *врагом*, разрушает установленный порядок и протестует против «привычного антагонизма, который представляет собой разорванную конфликтами согласованность друзей и врагов» (BAUMAN 1992: 75).

2.1. Эпоха Просвещения и еврейский вопрос

В XVIII в. при правлении Марии Терезии и Йозефа II формы национальной идентичности евреев были различными. Евреи занимали высокие должности при дворе, строились еврейские школы, было разрешено учиться в университетах, издавались произведения на иврите (WISTRICH 1999: 12-19). Впервые еврейский вопрос был подробно рассмотрен немецким философом М. Мендельсоном (1729 — 1786), его учеником Д. Фридендером (1750 — 1834) и известным немецким драматургом Г. Э. Лессингом (1729 — 1781). На позициях *полной ассимиляции* евреев стоял Фридендер. Ратуя за еврейское равноправие, поскольку, по его мнению, разум одинаков у евреев и христиан, он предлагал крещение евреев, чтобы «воссоединиться с обществом официально» (цит. по: АРЕНДТ 2008: 150). *Частичную ассимиляцию* предлагал Мендельсон:

«Подчинитесь обычаям и настроениям той страны, в какой вы оказались; но стойко держитесь религии ваших отцов. Несите оба эти бремена как можно лучше!» (Там же).

Сохранение религиозной самобытности поддерживал Г. Э. Лессинг. В комедии *Евреи* (1749) он впервые в истории театра представил положительный образ еврея, а Мендельсон послу-

жил прообразом заглавного героя драмы Лессинга о равноправии трех религий *Натан Мудрый* (1779). Пьеса, как известно, основана на притче Дж. Боккаччо о трех кольцах, которые аллегорически изображали иудаизм, христианство и ислам. Мудрый отец подарил каждому сыну по кольцу. Все три кольца — равноценны, но каждый из сыновей считал, что только его кольцо подлинное:

«Для Лессинга общий разум является фундаментом человечности. Он как самое человеческое соединяет Саладина с Натаном и тамплиером. Он один есть настоящая связь человека с человеком» (Там же: 140).

Мысль о *толерантности* по отношению к разным религиям Лессинга стоит в тесной связи с понятием истины. Человек, считал он, важнее истины, она становится относительной из-за «ценности человека»:

«Это человеческое открывается в толерантности. Всемерное господство разума — это всемерное господство человеческого, гуманного» (Там же).

Лессинг обосновал концепцию, которая направлена на сохранение и развитие в какой-либо стране культурных различий национальных меньшинств, получившую определение *мультикультурализма*.

И. Г. Гердер (1744 — 1803), историк культуры и ведущий деятель позднего Просвещения, всерьез принимая «религию отцов», считал, что вопрос ассимиляции и эмансипации евреев является *государственной задачей*:

«Вместе с тем Гердер видит, что история евреев, происходящая из Закона Моисеева, неотделима от него, что она поэтому полностью зависит от соблюдения этого Закона. Затем эта религия есть религия Палестины, и придерживаться ее означает, собственно, оставаться народом Палестины и, следовательно, “чужим для нашей части земли азиатским народом в Европе”» (Там же: 155-156).

Гердер подчеркивал чужеродность евреев, не отвергая возможности их *частичной ассимиляции*. По его мнению, европейские нации должны включать другие нации, в том числе и еврейскую: «Таким образом, их Палестина там, где они живут и действуют во всех отношениях благородно» (Там же: 160). Этот факт, полагал Гердер, становится для евреев приоритетной задачей воспитания, образования и культуры.

2.2. Еврейский вопрос и антисемитизм в Вене конца XIX — начала XX в.

В XIX в. при значительном росте индустрии, торговли и банковского дела еврейская община Вены имела серьезное влияние на городскую жизнь. Еврейские студенты юристы и медики, будучи членами «студенческих комитетов», принимали активное участие в событиях 1848 г. Руководитель сионистского движения в Вене писал:

«Евреи [в Австрии] были в течение всего девятнадцатого века в своей совокупности немецкими, они были немецкими по своему воспитанию, так как доминировала немецкая культура в многоязыковом государстве... Евреи оставались не только носителями немецкой культуры, они были также и яркими защитниками немецкой политики» (WISTRICH 1999: 31).

После раздела Польши и присоединения к Австрии Галиции и Буковины еврейское население страны значительно увеличилось, так как в восточных городах империи оно составляло около 40%. Ускоренное промышленное развитие Вены после 1867 г. привлекло большое число евреев со всех частей многонациональной Австро-Венгрии.

Первые антисемитские партии появились в Германии в 80-х гг. Г. фон Трейчке — крупный историк и политик выступал за *полную ассимиляцию* евреев и сделал антисемитизм «допустимым в приличном обществе» (АРЕНДТ 2008: 101). Политические партии Австро-Венгрии 90-х гг: «великогерманская» и «христианско-социальная» стремились направить политику в новое русло. «Великогерманская партия» имела агрессивно националистический характер, выступала с проповедью расовой непримиримости, в том числе с открыто *антисемитской программой* и требовала включения немецких областей Австрии в состав Германии. «Христианско-социальная» партия отличалась подчеркнуто католическим характером. Осуществляя демагогическую программу «защиты малых людей от крупного капитала», партия объединила различные католические союзы: «Теперь любому, в особенности интеллигенту, на каждом шагу давалось понять, что он живет в католической стране» (FUCHS 1949: 69). С 1897 по 1910 г. бургомистром Вены был Карл Луэгер, христианский социалист. Его антисемитские взгляды были близки «великогерманской» партии.

Либеральное крыло венского бюргерства составляли гим-

назии и больницы, в них концентрировалось до тридцати процентов еврейской венской интеллигенции (BELLER 1996: 711). По мнению С. Беллера, еврейский вопрос в Вене был чрезвычайно актуальным:

«Если предположить, что венский модерн является продуктом «либерального», «образованного» и «буржуазного» класса, то важно понять, что ядро этого либерального, образованного буржуазного класса на две трети было еврейским...» (Там же: 712).

Среди известных личностей были религиозный и политический деятель раввин Йозеф Самуэль Блох, основатель сионистской идеологии Натан Бирнбаум, провозвестник еврейского государства Теодор Херцль, руководитель Социал-демократической рабочей партии Австрии, в 1918 г. Первый госсекретарь иностранных дел Австрии, редактор газеты «Arbeiter-Zeitung» — Виктор Адлер, психолог Зигмунд Фрейд, композиторы Густав Малер, Александр фон Цемлинский, Арнольд Шенберг, писатели Артур Шницлер, Карл Краус, философы Отто Вайнингер, Людвиг Витгенштейн, художники Рихард Герстль, Макс Оппенхаймер и др. В исследовании *Скрытая традиция* Х. Арендт констатировала общее положение евреев в Вене в это время:

«В глазах окружающих евреи были и оставались изгоями, если только чрезвычайными средствами не отвоевывали себе место в приличном обществе. Применительно же к прославленному еврею общество забывало свои неписанные законы. Цвейговская “сияющая власть славы” являла собой реальную общественную силу, в ореоле которой ты мог свободно вращаться в любых кругах и водить дружбу даже с антисемитами наподобие Рихарда Штрауса...» (АРЕНДТ 2008: 108-109).

С. Беллер пишет о типично «еврейском стоицизме» венцев в этических вопросах, о значении просветительских идеалов для всего «человечества», «прогресса», «свободы» и «равных прав», ради которых боролись евреи за свою эмансипацию в обществе, так и не достигнув ее (BELLER 1996: 714). Последователи немецкого Просвещения, евреи, открыли, считает критик, истинную венскую культуру барокко как национальное достояние Австрии. С. Беллер не отрицает тесных контактов венских евреев с нееврейским окружением:

«Просвещение, либеральная немецкая культура, общественная и культурная структура Вены, антисемитизм — все это взаимодей-

ствовало с еврейской традицией, с особым еврейским положением в обществе и экономике» (Там же: 715).

Кроме того, критик пишет о слиянии многих национальных черт, например, в венском модерне «многих субкультур, еврейских, великодержавных немецких, католических, “криптопротестантских”, славянских и др.» (Там же: 716). В венском модерне было, по его мнению, двойное сопряжение культур — немецкой и западной, причем с большим успехом и вовлечением в этот процесс многих людей, что, по словам К. Крауса, было сознательной культурной политикой, которую он иронично назвал «заговором» (KRAUS 1901: 1).

Попытка интеграции в идеальный мир просвещенного, либерального будущего привела некоторых еврейских интеллектуалов из числа социалистов к идее создания некой утопии в Центральной Европе, а Херцль и сионисты пытались реализовать этот желаемый мир в идеологии эмансипации в «другом месте», иные же, прежде всего Шницлер и Фрейд, надеялись найти этот мир в духовном начале каждого отдельного человека (BELLER 1996: 718).

3. Артур Шницлер и еврейский вопрос

Два произведения Шницлера посвящены еврейскому вопросу в Вене: роман *Путь на свободу* (1908) и комедия *Профессор Бернхарди*. По мнению К. Флидль, Шницлера более всего касался так называемый «культурный антисемитизм», на который венский автор резко реагировал. Главный аргумент культурного антисемитизма запрещал еврею «где-либо принимать участие в культурной деятельности народов» (FLIEDL 1997: 215), радикальным образом разрушая профессиональную идентичность писателя. Под давлением полемических нападок на Шницлера, считает критик, в этих произведениях проявилась «память как специфическая еврейская способность», т. е. то «качество, позволяющее изменить роль пошатнувшейся коллективной памяти» (Там же: 216).

Если в гимназии Шницлер, по собственным воспоминаниям, едва ли замечал «следы» антисемитизма» (SCHNITZLER 1968: 329), то впоследствии он писал, что в общественной жизни всегда было заметно, что он еврей. Этот факт мог его серьезно душевно ранить, поскольку иногда равнодушие по отношению к нему со стороны других людей достигало такой степени, что он сравнивал его с нанесением раны: словно «грязный нож цара-

пал, даже резал кожу, пока не появится кровь» (Там же: 328).

Шницлер назвал драму *Профессор Бернхарди* «комедией в пяти действиях» (SCHNITZLER 1999: 149)*. Это произведение о политике и общественном мнении, без любовного сюжета, с некоторыми комедийными чертами отдельных персонажей и интригой, что в целом не дает повода для смеха. Шницлер решил написать «здоровую и дерзкую комедию, которая ему давно представлялась и которую ждала от него публика» (SCHNITZLER: URL). В связи с политической злободневностью драмы власти Вены запретили ее для постановки. Примечательно, что причиной запрета стала «пародия на парламент» и отрицательная характеристика министра культуры без упоминания антисемитизма (PERLMANN 1987: 97). Премьера пьесы состоялась в Вене в 1918 г., когда были отменены устаревшие указы. Однако премьера драмы Шницлера в Берлине состоялась уже в 1912 г. в «Малом театре».

Пьеса представляет собой конфликтную ситуацию. Она возникла в частной клинике «Элизабетинум», и в ней много личных впечатлений врача Артура Шницлера о частной практике «Венской поликлиники» его отца Иоганна Шницлера. Однажды он вел дискуссии с одиннадцатью молодыми доцентами, которые допускали неуважительные и обидные выпады против пожилого человека. Образ профессора Бернхарди в пьесе лишь некоторыми чертами похож на отца Шницлера, а возникшая коллизия в клинике — возможный эпизод из венской жизни (SCHNITZLER 1984: 12-13).

3.1. Конфликты моральные и национальные в драме «Профессор Бернхарди»

Ключевой сценой первого действия драмы стала дискуссия доктора медицины Бернхарди, еврея по национальности, с католическим священником отцом Редером. Доктор позволил умирающей девушке поверить в свое выздоровление и в спасительное сновидение о «небесном женихе», чтобы она умерла «счастливой смертью» (171). Отказ от участия священника он объяснил

* Schnitzler, A. (1999) Professor Bernhardi. In Schnitzler, A. *Das weite Land. Dramen 1909 — 1912*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 149—294. Далее цитаты по этому изданию даются с указанием страницы в скобках.

чувством сострадания по отношению к пациентке. Священник же утверждал обратное: умирающая от нелегального аборта девушка ушла из жизни нераскайавшейся, без соборования. Сознвая *нарушение общепринятого закона*, Бернхарди взял вину на себя, хотя коллеги напоминали ему, что «они живут в христианском государстве» и возможны негативные последствия (174).

Вторым неординарным поступком Бернхарди явилось его решение взять в клинику молодого и способного доктора Венгера, еврея по происхождению. На это же место претендовал молодой, но безуспешный немец Хель, в карьерном продвижении которого, о чем знал Бернхарди, участвовали «влиятельные лица сверху» (161). Конфликт со священником и избрание Венгера стали поводом для подачи жалобы (интерпелляции) в парламент для разбирательства немецко-национальной и клерикальной партий, поскольку, по словам вице-директора клиники, решение «личных вопросов в Австрии заканчивается политическим разбирательством» (197). Интерпелляция стала причиной исключения Бернхарди из руководства клиники и обвинения его в нарушении религиозного закона. Однако «врачебная ошибка» Бернхарди никак не была связана с его еврейским происхождением. Человеческое милосердие врача к несчастной было его внутренним убеждением.

3.2. Виды национальной идентичности и антисемитизма в пьесе

Среди коллег Бернхарди началась политическая дискуссия, разделившая врачей на тех, кто был против осуждения профессора, кто занимал нейтральную позицию, и тех, кто был за его осуждение. Престарелый профессор Пфлугфельдер, выходец из евреев, называл судебный процесс над Бернхарди «преступлением», «ненавистью врагов» и «трусостью так называемых друзей» (247). Он призывал к *эмансипации* евреев и активной политической борьбе за равные права людей иудейского вероисповедания. На стороне Бернхарди был доктор Левенштайн, обличитель министра культуры в поддержке клерикальных сил. Наконец, всегда скептически настроенный доктор Киприан советовал Бернхарди написать заявление, объяснить в нем свою позицию и ни в коем случае не изменять своим профессиональным убеждениям: «Du bist Arzt. Und ein gerettetes Menschenleben ist mehr wert als ein hochgehaltenes Banner» (191). Бернхарди не

прислушался ни к Пфлугфельдеру, ни Левенштайну, ни Киприану. Любые формы протеста или объяснения своей ситуации Бернхарди отвергал.

Нейтральной позиции придерживался профессор Филиц. Он не мог назвать себя антисемитом, так как у него ассистентом был еврей: «Gegenüber anständigen Juden gibt es keinen Antisemitismus» (182). Филиц обвинил Левенштайна в идее навязчивого преследования евреев:

«...in ihrer lächerlichen Antisemitenriecherei [sei] die Hauptschuld an der bedauerlichen Verschärfung der Gegensätze...» (183).

Он был убежден, что антисемитизм являлся для евреев всего лишь идеей фикс.

Среди «профессоров-отступников» в деле Бернхарди были доктора еврейского происхождения Шрайман и Адлер. Первый из них, идеолог *полной ассимиляции* евреев, — «лысый, со шрамом на лбу» — с важной авторской ремаркой:

«Auffallend tiefes, biederer Bierdeutsch betont österreichischer Dialekt mit plötzlich durchschlagenden jüdischen Akzenten» (212).

Он считал себя новообращенным немцем, а шрам на лице он получил, когда еще был евреем. Известно, что Шницлер в автобиографии упоминает о так называемом Вайдхофенском постановлении, в котором дуэли с евреями объявлялись унижением достоинства немцев, как и общение с ними (SCHNITZLER 1968: 152). Доктор Адлер, бывший участник Буршеншафта, заявлял перед Бернхарди о его невиновности, но голосовал за его исключение из клиники, тем самым поддерживая *антисемитскую* позицию.

Молодое поколение в драме представлено ассистентом Венгером, сыном Пфлугфельдера — Куртом и кандидатом медицины Хохройтцпойнтнером. Молодой и талантливый доктор Венгер, которого Бернхарди хотел видеть в клинике, остался в стороне от дискуссии. Венгер отказался видеть в деле директора «Элизабетинума» происки клерикальной и антисемитской партий:

«für mich gibt es überhaupt keine religiösen und keine nationalen Unterschiede. Ich bin der Mann der Wissenschaft» (222).

Ассистент Курт Пфлугфельдер, по словам своего куратора Бернхарди, во всем видел «предательство» (153). Он открыто говорил о том, что он антисемит и антиариец:

«Ich finde, die Menschen sind im Allgemeinen eine recht mangelhaf-

te Gesellschaft, und ich halte mich an die wenigen Ausnahmen da und dort» (167).

Кандидат медицины Хохройтцпойнтнер безжалостно производил жестокие эксперименты над пациентами, применяя запрещенные препараты, после которых они умирали, а «врач» при этом не испытывая никаких угрызений совести и утверждал одновременно, что он живет в «христианском государстве» (154). В целом, поколение молодых медиков, идущее на смену опытным профессорам, в политическом плане значительно агрессивнее настроено против евреев, предвещая их мрачное будущее через два десятилетия. Наконец, в травле Бернхарди участвовала партийная пресса, которая отличалась *воинствующим антисемитизмом*: появлялись оскорбляющие надписи: «Долой евреев!», «Долой масонов!» (248).

3.3. Скрытые формы антисемитизма в драме

Скрытым врагом Бернхарди оказался вице-директор клиники Эбенвальд. После сложения полномочий Бернхарди именно он намеревался руководить клиникой, препятствуя избранию в состав докторов еврея Венгера. Эбенвальд использовал родственные связи, чтобы передать жалобу на Бернхарди депутату парламента, руководителю клерикальной партии (207).

Защитником Бернхарди на суде был доктор Гольденталь. Он признался, что процесс был проигран, и Бернхарди подвергся двухмесячному тюремному заключению. Причиной провала адвокат посчитал своенравный характер Бернхарди, его желание играть роль оскорбленного и отказ от оспаривания приговора (246). Адвокат понял совершенную над Бернхарди несправедливость, но не заявил об этом открыто, предсказывая доктору новые судебные процессы (251).

Главным противником Бернхарди являлся недавно назначенный министр культуры и образования профессор Флинт. Ранее он работал в клинике, и сохранялись надежды, что он будет полезен в защите интересов врачей «Элизабетинума». Бернхарди, напротив, считал его своим противником: «Ihr seid in einer Weise vergeßlich! Flint ist unser erbittertester Gegner» (168). Проницательность Бернхарди помогла отрезвить многих его коллег. При первом появлении Флинта автор указывает в ремарках: «eine nicht ganz unbeabsichtigte Diplomatenmaske, sehr liebenswürdig, oft mit echter Wärme» (198). Флинт относился к тем пер-

сонажам, которые уже встречались в драмах Шницлера *Анатоль* (1893) и *Хоровод* (1900). Это «мимолетний человек», он

«представляет собой “пучок мимолетних ощущений”. В отличие от реального человека, сочетающего обычно изменчивость своего психического состояния с его устойчивостью (и преемственностью); так сказать, гибкую тактику с твердой стратегией, мимолетний человек *абсолютно неустойчив*: это человек не цели, а исключительно сиюминутного настроения» (БРАНСКИЙ 1999: 391).

Как политический деятель, Флинт похож на актера, который менял свое настроение в зависимости от аудитории и разыгрывал «театр в театре», подобно комедианту, ожидая аплодисменты. Наедине с Бернхарди он подстраивался под собеседника, обретал риторическую велеречивость, вспоминал эпизоды прошлой жизни, которые, неожиданно для него совершенно по-иному оценивались профессором. Бернхарди считал, что Флинт, как бывший врач, должен остаться «человеком науки» и «человеком правды» (208). Такое утверждение касалось и самого Бернхарди, но события показали, что его отстранили от работы, и «своей правды» он не сумел доказать ни на суде, ни своим коллегам.

3.4. Место Бернхарди в еврейском вопросе

Для Бернхарди судебный процесс предстал «фарсом» и настаивать на своих юридических правах он посчитал безнадежным делом:

«Und was wäre schon das Höchste, was ich erreichen könnte? Ein Freispruch. Das genügt mich nicht mehr. Wenn ich nur zu meinem Recht komme, so bin ich noch lange nicht quitt mit den Herren Flint, Ebenwald und Konsorten» (250).

Бернхарди настаивал на отбывании в тюрьме положенного срока и отрицал роль политического руководителя, в которой его обвинял даже адвокат. Бернхарди отвечал: «Meine Sache ist es, Leute gesund zu machen, — oder ihnen wenigstens einzureden, daß ich es kann» (268).

Кроме того, Бернхарди отказался от воздействия на тех людей, которые вели против него интриги. Он опирался в жизни на «врожденную склонность к справедливости» и почувствовал в разбирательстве своего дела «враждебность общества, которое его окружало», причем враждебность «вечную», и слово «враждебность слишком слабо и неполно», говорил он: «Es ist von etwas höherer Art, denk' ich — und — von hoffnungsloserer» (261). Берн-

харди казался либеральной прессе и многим коллегам «своего рода мучеником, политической жертвой клерикальных происков, своего рода медицинским Дрейфусом» (276). Автор пьесы не случайно проводил параллель с на шумевшим в Европе делом Дрейфуса, французского офицера еврейского происхождения, ложно обвиненного в передаче военных секретов и приговоренного к пожизненному заключению. На его защиту встал Эмиль Золя в знаменитом «Я обвиняю. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту Республики» (1898) в газете «Орор». Золя заподозрил одного из полковников в суде в антисемитизме (ЗОЛЯ 2017: 429). Защитить Бернхарди на суде и объяснить его «врачебную ошибку» и непричастность как доктора к какой-либо национальной предвзятости было некому. Антисемитские настроения в Австро-Венгрии были по сравнению с Францией настолько сильными, что «процесс над Бернхарди» оказался рядовым и не мог вызвать какого-либо общенационального резонанса.

Бернхарди руководствовался в жизни прежде всего гуманистическими принципами в духе лессинговской *толерантности и уважения личности*. Об этом свидетельствует его отношение к умирающей пациентке. Его нежелание активной защиты в суде и отказ от реабилитации объясняются его приверженностью законам Моисея. Он противостоял догматическим принципам священника и открытому антисемитизму молодых врачей, министра и партийцев. Для Бернхарди справедливость, сострадание и доброта по отношению к личности важнее, чем политические конфликты. На фоне всеобщей недоброжелательности окружения он, действительно, выглядел «белой вороной» и странным человеком. Он не пожелал открыто побороться за свои права, и, возможно, этот факт выглядел необычно в условиях неприкрытого антисемитизма, который стал заметным общественным явлением. Комического начала в этом образе нет, как нет достаточных комических черт в образах окружающих персонажей, которые олицетворяли неблагополучие общества. Бернхарди не являлся и «спасителем», несмотря на слова Христа, которые он произносил: «Wer nicht für mich ist, ist wider mich. (239) Ein reuiger Sünder ist meiner Ansicht wohlgefälliger als zehn Gerechte» (249).

В заключительной сцене беседы с надворным советником Бернхарди утверждал:

«Das Problem war nicht mehr österreichische Politik oder Politik

überhaupt, sondern es handelte sich plötzlich um allgemein ethische Dinge, um Verantwortung und Offenbarung, und im letzten Sinn um die Frage der Willensfreiheit...» (292).

Для Бернхарди главными являлись *этические проблемы*. Свобода воли или свобода выбора, как выяснилось в беседе, не были направлены на реформаторские преобразования в обществе. Подобные высказывания только позабавили придворного советника, который иронически произнес последнюю фразу пьесы: «Da wär ich halt — entschuldigen schon, Herr Professor — grad' so ein Viech gewesen wie Sie» (294). Заключительную фразу нельзя воспринимать дословно (ein Viech). Скорее, это характеристика доктора как человека, «который бескомпромиссно и до последнего был связан с мирской жизнью» (SCHEIBLE 1996: 103). Не смешными кажутся и предшествующие слова придворного советника: «Denn jetzt fängt die Geschichte erst an, Herr Professor... und sie kann lang' dauern!» (291). Бернхарди в начале пьесы хотел погибнуть за правду на костре, но стал свидетелем краха лессинговской толерантности в своем конкретном окружении.

4. Выводы

В целом следует подчеркнуть, что Бернхарди возвращает зрителей пьесы к исторической памяти: к библейским заветам и просветительским принципам. Они сформировали коллективную еврейскую идентичность, и эту память Бернхарди воплощает в своих взглядах и поступках, осознавая невозможность общества способствовать соблюдению национальной идентичности в обществе. Идентичность Бернхарди с точки зрения продолжения своей профессиональной деятельности врача полностью разрушена, но идентичность национальную он сохранил, обращаясь к вековой памяти своего народа и истории. Пьеса *Профессор Бернхарди* с большим успехом ставится в настоящее время в Германии (Берлинский театр «Шаубюне», реж. Т. Остермайер). С 2011 по 2017 г. она была инсценирована в Венском «Бургтеатре» (реж. Д. Гизинг). В связи с активными миграционными процессами в современной Европе и дискуссией о мультикультурализме рецензенты настойчиво подчеркивают удивительную актуальность инсценировок пьесы.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Арендт Х. Скрытая традиция: эссе. М.: Текст, 2008. URL: <https://politconservatism.ru/upload/iblock/d52/d52bcaea450e46f44fe641ad8919f8d9.pdf> (дата обращения 10.01.2021). [Arendt, Hannah. (2008) *Skrytaya traditsiya: esse* (The Hidden Tradition: Essays) Moscow: Tekst. Retrieved from <https://politconservatism.ru/upload/iblock/d52/d52bcaea450e46f44fe641ad8919f8d9.pdf>. (In Russian)].
- Бранский В. П. Импрессионистический идеал и метод // Бранский В. П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999. С. 390—398. [Branskiy, Vladimir P. (1999) *Impressionisticheskii ideal i metod* (The Impressionistic Ideal and Method). In Branskiy, Vladimir P. *Iskusstvo i filosofiya* (Art and Philosophy). Kalinigrad: Yantarnyy skaz, 390—398. (In Russian)].
- Глобализация и культура: аналитический подход / ред. Н. В. Тишунина СПб.: Янус, 2003. [Tishunina, Natalya V. (2003) (ed.) *Globalizatsiya i kul'tura: analiticheskiy podhod* (Globalization and Culture: an Analytical Approach). Saint Petersburg: Yanus. (In Russian)].
- Золя Э. Я обвиняю. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту республики // Прутцков Г. В. История зарубежной журналистики. От Античности до современности. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 423—433. [Zola, Emile. (2017) *Ya obvinyayu. Pis'mo gospodinu Feliksu Foru, Prezidentu respubliky* (I blame you. Letter to Mr. Felix Faure, President of the Republic) In Pruttskov, Grigoriy V. *Istoriya zarubezhnoy zhurnalistiki. Ot Antichnosti do sovremennosti* (History of Foreign Journalism. From Antiquity to Modernity). Moscow: Aspekt-Press, 423—433. (In Russian)].
- Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж: ВГУ, 2004. [Popova, Mariya K. (2004) *Natsional'naya identichnost' i eyo otrazheniye v khudozhestvennom soznanii* (National Identity and its Reflection in the Artistic Consciousness). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Радугин А. А. Психология и педагогика. М.: Центр, 1996. [Radugin, Aleksey A. (1996) *Psihologiya i pedagogika* (Psychology and Pedagogy). Moscow: Tsentr. (In Russian)].
- Цвейг С. Вчерашний мир: воспоминания европейца. М.: Вагриус, 2004. [Zweig, Stefan. (2004) *Vcherashniy mir: vospominaniya evropeytsa* (Yesterday's World: Memories of a European). Moscow: Vagrius. (In Russian)].
- Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. М.; Иваново: МИК, 2003. [Tsvetkov, Yuriy L. (2003) *Literatura venskogo moderna* (Literature of the Wiener Modern). Moscow; Ivanovo: MIK. (In Russian)].
- Arthur Schnitzler — Otto Brahm. *Der Briefwechsel*. Tübingen: M. Niemeyer-

- er, 1975.
- Bauman, Zygmunt. (1992) *Moderne und Ambivalenz. Das Ende der Eindeutigkeit*. Hamburg: Junius.
- Beller, Steven. (1996) Die Position der jüdischen Intelligenz in der Wiener Moderne. In Nautz, Jürgen, & Vahrenkamp, Richard. (eds) *Die Wiener Jahrhundertwende*. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 710—719.
- Beller, Steven. (1993) *Wien und die Juden: 1867—1938*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.
- Fliedl, Konstanze. (1997) *Arthur Schnitzlers Poetik der Erinnerung*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau.
- Fuchs, Albert H. (1949) *Geistige Strömungen in Österreich*. Wien: Die Buchgemeinde.
- Kernmayer, Hildegard; Hödl, Klaus, & Ernst, Petra. (2004) Assimilation — Dissimilation — Transkulturation. Jüdische Identitäten in der (Wiener zentraleuropäischen) Moderne. In Csáky, Moritz; Kury, Astrid, & Tragatschnig, Ulrich. (eds) *Kultur — Identität — Differenz*. Wien und Zentraleuropa in der Moderne. Innsbruck; Wien; München; Bozen: Studien-Verlag, 291—322.
- Kiesel, Helmuth. (2004) Moderne und Judentum In Kiesel, Helmuth. *Geschichte der literarischen Moderne. Sprache. Ästhetik. Dichtung im zwanzigsten Jahrhundert*. München: C. H. Beck, 74—85.
- Kraus, Karl. (1901) *Die Fackel*, Nr. 71. Wien: M. Frisch, 1.
- Perlmann, Michaela L. (1987) *Arthur Schnitzler*. Stuttgart: Metzler.
- Scheible, Hartmut. (1996) *Arthur Schnitzler mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Schnitzler, Arthur. (1968) *Jugend in Wien. Eine Autobiographie*. Wien: Molden.
- Schnitzler, Arthur. (1984) Brief an G. Brandes In Schnitzler, A. *Briefe II. 1913—1931*. Frankfurt am Main: S. Fischer. Retrieved from https://shared.acdh.oeaw.ac.at/schnitzler-briefe/1984_Briefe-1913%E2%80%931931.pdf.
- Wistrich, Robert S. (1999) *Die Juden Wiens im Zeitalter Kaiser Franz Josephs*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.

Yuriy L. Tsvetkov
Ivanovo State University

**History, National Identity, and Biblical Ethics
in Arthur Schnitzler's Play *Professor Bernhardt***

The target of the study is to formulate the role of anti-Semitism, assimilation and tolerance in the history of the Habsburg state and to determine the functioning of these concepts in the minds of the Viennese intelligent-

sia of the early 20th century. On the example of the play *Professor Bernhardi* (1912) by the Austrian novelist and playwright Arthur Schnitzler (1862 — 1931), it is proved that the attacks of colleagues on the doctor about his “medical error” revealed a different understanding of the Jewish question in society and the place of anti-Semitism in it. Bernhardi solved the problem of national identity on an existential level, remaining true to the Biblical ethics enshrined in the laws of Moses. In addition, he was the only proponent of Lessing’s idea of tolerance in the play.

Keywords: history of Jewry; types of national identity; Biblical ethics; Arthur Schnitzler; “Professor Bernhardi”